

Полевой туалет

ВЛАДИМИР
КАРТАВЦЕВ

В археологической экспедиции, где я отработал пять полных полевых сезонов, существовало правило, запрещающее насилие: ни один из ее участников ни при каких обстоятельствах (и ни в каких состояниях) не имел права выяснять отношения с кем-либо из коллег при помощи кулаков. Пацифистами участники экспедиции, конечно, не были, однако это правило соблюдалось свято – как, например, и правило не есть грибы, собранные в окрестностях лагеря. Правил такого рода было много и, как это бывает в устойчивых сообществах единомышленников, их соблюдению придавалось большое значение. Сообщество принуждает – а то сообщество, к которому искренне хочется принадлежать, принуждает с удвоенной силой: мысль, что правила созданы, чтобы их нарушать, кажется глупостью.

Соблюдение правил всеми и каждым составляет жизнь сообщества, упрочивая его идентичность и структурируя повседневность. Сознательное решение сообщества нарушить то или иное (доселе незыблемое) правило – событие экстраординарное, отчаянная мера в отчаянные времена.

Это был закат сезона, людей в полевой партии осталось мало, каждый день кто-то уезжал. Тем утром в Москву уехал один из *старых костяков* (так называют тех, кто проработал в экспедиции максимально долго, например, с момента ее основания). Когда снимается человек, проживший в своей палатке месяц или около того, на земле остается след – бледный многоугольник примятой травы. Каково же было наше удивление, когда после очередного отъезда, на месте бывшей стоянки, ровно в геометрическом центре того самого многоугольника, совсем неподалеку от общей кухни обнаружилась здоровенная куча – явно человеческого, что было изучено отдельно – дерьма. Это обстоятельство вызвало бурное обсуждение за завтраком, поток шуток в обед и коллективное решение признать случившееся эксцессом ближе к ночи: площадь раскопок велика, до туалета – в случае крайней нужды – можно просто не успеть добежать. Тем не менее решение решением, однако тревожное ощущение общей неразрешенности ситуации терзало, кажется, всех, порождая нехорошие предчувствия.

Надо отметить, что уехавший в город археолог сразу оказался вне всяческих подозрений. Тем более что в течение последовавших за его отъездом нескольких дней случаи дерьмо-

Владимир Владимирович Картавец (р. 1986) – директор Центра прикладных и полевых исследований Института исследований культуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

вого – во всех смыслах – акционизма стали повторяться. Это происходило в самых немислимых местах: на отвале раскопа, на тропинках, между палатками. Разумные объяснения происходящему довольно скоро оказались исчерпаны. Экспедиция погрузилась в охоту на ведьм: те, кто на время отлучался куда-либо без очевидных на то причин, должны были заранее озаботиться алиби, а еще лучше – свидетелями. Дотошно вычислялось точное время, когда – гипотетически – имела место очередная акция. Составлялись списки тех, кто мог ее совершить, а кто – нет, потому что был, например, в отъезде, на дежурстве, на реке и тому подобное. Под подозрением оказались все.

Соблюдение правил всеми и каждым составляет жизнь сообщества, упрочивая его идентичность и структурируя повседневность. Сознательное решение сообщества нарушить то или иное правило – событие экстраординарное, отчаянная мера в отчаянные времена.

Стоит сказать заранее, что виновник этих досадных проделок в итоге так и не был обнаружен; возможно, благодаря тому, что экспедиция, явно устав от жизни в атмосфере всеобщего недоверия, а также в виду явно экстраординарных обстоятельств, сознательно приняла решение нарушить одно из своих базовых правил. О том, что экстремист в случае поимки подвергнется неиллюзорному физическому насилию со стороны коллектива, было весьма красноречиво и нецензурно донесено до всего личного состава по завершении одного из завтраков. Злоумышленнику предлагалось пользоваться – как это и делают все нормальные люди – общим туалетом, поборов все свои предрассудки, а также имеющиеся физические и/или психические расстройства.

Внушение возымело свое действие: неуместная и явно злонамеренная вакханалия прекратилась. Несмотря на то, что виновный, как уже было сказано, так и не отыскался, версии о его мотивах продолжали циркулировать. Одна из них заключалась в том, что общий туалет оказался настолько отвратителен одному из новых членов экспедиции (подозрение на которого пало в первую очередь, конечно же), что он решил не пользоваться им вовсе. Нельзя сказать, что это соображение отвечало на все вопросы, связанные со сложившейся ситуацией, однако и отрицать некоторой его справедливости тоже было нельзя: туалет в стационарной полевой экспедиционной партии совершенно точно может отпугнуть человека, не привычного к бивучачной жизни.

Если вы работаете именно *в поле*, то есть на природе, за пределами городской или сельской черты (здесь будет уместно напомнить, что раскопки могут проводиться и в московском Кремле, и на территории действующего монастыря, и на обочине оживленной автотрассы), то скорее всего вы копаете на территории археологического памятника. Если его границы и конкретные объекты, находящиеся в этих границах, определены, то устроить яму под туалет где попало не получится. Во-первых, яма не должна находиться на том месте, где в будущем (например в следующем сезоне) начнут проводиться раскопки – по очевидным причинам. Во-вторых, лучше, чтобы туалет находился, с одной стороны, не слишком далеко от лагеря, а с другой, чтобы его расположение было по возможности укромным. Любопытно, что мест, отвечающих каждому из этих критериев, обычно не так уж и много: копая туалетную яму для нового сезона, всегда рискуешь наткнуться на засыпанную прошлогоднюю яму – глаз «сам падает» именно на подходящее место.

Устройство полевого туалета естественно, примитивно и знакомо каждому. Яма (она же шурф) имеет в сечении *подпрямоугольную* форму. Ее глубина выбирается на глаз, однако напрямую зависит от двух переменных: срока, который экспедиция проведет в поле, и количества ее участников. Чем дольше и больше, тем глубже. По углам ямы вкапываются колья высотой примерно в человеческий рост. В качестве кольев могут использоваться срубленные или найденные на месте подходящие по размеру жердины, старые черенки от лопат или *косовища* (черенки от косы, которые обычно длиннее тех, которые используются для лопат).

На колья натягивается непрозрачная материя (полиэтилен, ткань от старой палатки и тому подобное), закрывающая яму либо с трех, либо с четырех сторон (если с четырех, то одна из сторон должна откидываться и иметь временные крепления, имитируя входную дверь). Такой материал всегда привозится с собой, потому что на месте ничего подходящего найти, как правило, невозможно (за исключением естественных материалов, которые не используются в силу трудоемкости процесса). Мы, например, всегда привозили с собой старый брезент, который использовался только для этих целей.

Сверху яма обычно ничем не прикрыта. Поперек ямы (с достаточным промежутком между собой) укладываются две доски – *лыжня*. Готово, можно пользоваться. Кстати, уже через несколько дней лыжня начинает выполнять дополнительную функцию – если перед использованием туалета по ней постучать ногой, то взлетят скопившиеся на отходах мухи и прочие насекомые, что даст сидящему несколько относительно спокойных мгновений для завершения накопившихся дел. Если

этого не сделать, то насекомые будут активнее досаждают пометителю – лучше их спугнуть.

Обустройством полевого туалета, несмотря на всю кажущуюся примитивность его конструкции, доверяют заниматься только опытным членам экспедиции. Именно они смогут правильно выбрать место, рассчитать необходимую глубину ямы и грамотно установить лыжню. В одном из сезонов кто-то ошибся, в результате чего доски были уложены под углом, и сидящему приходилось балансировать, запрокинув голову к небу. Ошибку пришлось исправлять, потому что никто из копателей был не готов заниматься подобной эквилибристикой.

Другими словами, если в начале полевого сезона кому-либо поручили вырыть туалет, это вполне можно считать определенным признанием опыта и навыков – другого человека такое сделать не попросят. То же самое касается и закапывания отработанной туалетной ямы в конце сезона – зарыть что-либо в археологии не всегда проще, чем откопать. Закапывание отработанного шурфа, если делать это в соответствии со всеми правилами проведения земельных работ в археологии, подразумевает восстановление ландшафта в исходном виде – вплоть до высевания травы на месте зарытой ямы.

В экспедиции полевых туалетов было несколько. Во-первых, они делились на мужские и женские. Конструктивно они не отличались, естественно, никак, однако бытовало стойкое – на уровне фактической убежденности – мнение, что женские туалеты заполняются значительно быстрее мужских. По этой причине их выкапывалось больше: на один мужской приходилось два женских.

Экспедиция занимает значительную площадь. Все ее рабочее пространство поделено на несколько раскопов. Год от года их количество может меняться – это зависит от размера полевой партии; от конкретного плана работ, предусмотренных на данный сезон; от наличия отдельных специалистов. Например, если в этом году не приехали коллеги, которые занимаются неолитом, раскоп на месте неолитической стоянки (которая находится на территории большого средневекового памятника) не разбивается. То же самое касается и поселения *дьяковцев* – изучением этой загадочной культуры так же занимаются профильные специалисты.

Короче говоря, экспедиция раскидана на большой площади, раскопов около десятка. От некоторых из них до туалета идти достаточно далеко. Время – это то, за чем в экспедиции следят строго; тратить его на походы на другой конец лагеря не очень вежливо по отношению к коллегам: пока ты ходишь, им приходится брать на себя часть чужой работы. Ко всему прочему на раскопе периодически возникают задачи (например

зачистка), которые не подразумевают длительных отлучек – их надо выполнять быстро и без перерывов. В связи со всем этим отдаленные раскопы оснащались собственными туалетами, расположенными поблизости. Они ничем не отличались от прочих, однако были скромнее по размерам и не предполагали гендерных различий. Это была своего рода эрзац-версия общего экспедиционного туалета.

Учитывая, что всякий туалет закрывается с трех или четырех сторон непрозрачным материалом, возникают правила деликатного доступа: всякий новый посетитель не хочет застать на лыжне уже находящегося там коллегу. В этой связи действовали несколько негласных правил, которые помогали обозначить, что туалет в данный момент используется и новому посетителю следует подождать своей очереди. К туалету ведет тропинка (мы помним, что обычно он располагается в укромном месте, на отдалении от часто используемых пространств). Когда вы идете по ней по направлению к лыжне (слово «лыжня» используется и метонимически, обозначая весь туалет в целом, и для названия досок, которые, собственно, ее и составляют), следует издать какой-то звук, обозначая свое присутствие: либо сказать что-то, либо деликатно покашлять. Если из туалета ничего не доносится в ответ – можно смело входить. Второй способ – и это уже делается по желанию того, кто в данный момент туалет использует, – заключается в том, чтобы, заняв лыжню, повесить на один из кольев свой головной убор. Этот знак дает понять, что туалет занят – на колу висит пилотка, бандана, платок, видные издали.

В экспедиции, помимо общих туалетов и тех, которые располагались поблизости от удаленных раскопов, существовали туалеты *командирские*. Они были средних размеров, выкапывались в удобных местах (что означает, например, что к ним не надо было прорубать тропинку в зарослях борщевика) и предполагали доступ ограниченного круга лиц.

Право посещать командирский туалет имел руководитель экспедиции, начальники раскопов и старые костяки. Начальниками раскопов становились либо коллеги из регулярного состава экспедиции, доказавшие за много лет своего участия в ее работе общую вменяемость, лояльность, работоспособность, ответственность и обладание специфическими навыками (в первую очередь навыками планирования работ и умением делать чертеж раскопа), либо отдельные приглашенные специалисты – как в случае с неолитчиками или дьяковцами. Обладание профильным историческим образованием в данном случае не играло большой роли – важнее были навыки именно археологические. Клуб старых костяков был и остается закрытым – в него входят исключительно те люди, которые на-

чинали (на собственном энтузиазме) работать в экспедиции в мифологические времена ее становления.

Понятное дело, что наличие командирских сортиров служило задачам внутренней стратификации коллектива, к которой экспедиция также относилась крайне внимательно. Помимо данного, были распространены и другие подобные правила и привилегии, базировавшиеся в основном на старшинстве: кто дольше проработал в экспедиции, тот имеет больше гласных и негласных прав в сравнении с остальными ее членами. Надо заметить, что правило ограниченного доступа к командирскому сортиру не было совсем уж жестким: если у кого-то случалась авария с пищеварением, не было ничего, что помешало бы использовать командирский туалет не по статусу. Тем не менее в остальных случаях негласное правило работало четко: не положено – не ходи, пользуйся общим туалетом.

Суммируя, стоит сказать, что полевой туалет в археологической экспедиции является объектом, назначение которого выходит далеко за пределы чисто утилитарного. Во-первых, сортир выполняет маркирующую функцию: если новый член коллектива оказался настолько нежным белоручкой, что не может справиться нужду, восседая на лыжне, следовательно, и ко многому другому, что составляет базовые рутины экспедиции, он вряд ли окажется способен. Такому человеку надо задуматься, действительно ли ему стоит проводить свое свободное время именно в археологической партии.

{ Полевой туалет в археологической экспедиции является объектом, назначение которого выходит далеко за пределы чисто утилитарного.

Во-вторых, пространственная организация системы полевых туалетов – а правильно говорить именно об их системе – отражает общую структуру социальных отношений, характерных для экспедиции. В этом смысле показательны и разделение туалетов на мужские и женские, и правила очереди.

В-третьих, туалет выполняет внутреннюю стратификационную функцию для экспедиционного коллектива. Никто не отправит новичка заниматься его обустройством в первые дни экспедиции, никто – за исключением экстраординарных обстоятельств – не отправится, не имея на то права, в командирский сортир.

В-четвертых, сам по себе туалет, взятый в виде законченного материального объекта, несмотря на кажущуюся примитивность, предполагает довольно непростое устройство на уровне имплицитной эргономики, воспроизвести которую в деталях,

не имея наработанных годами навыков, достаточно проблематично: кейс с неправильным углом, выбранным для лыжни в одном из сезонов, тому подтверждение.

ВЛАДИМИР КАРТАВЦЕВ
ПОЛЕВОЙ ТУАЛЕТ

Если взглянуть на вещи с этой точки зрения, становится понятно, что бунт неводержанности, с описания которого начался наш рассказ о полевом туалете, был не просто немотивированным и заранее обреченным на провал восстанием против общественной гигиены, а сознательной акцией по разрушению набора фоновых ожиданий, сложившихся в сообществе за годы его существования и скрепивших это сообщество множеством гласных и негласных правил коллективного поведения. Этот бунт показал, что повседневные инфраструктуры дают отпор не только тогда, когда мы решаем использовать их не по назначению или каким-то образом модифицировать, но и когда мы ими пренебрегаем – в таком случае им приходится актуализировать свой социальный потенциал, выраженный в принуждающей силе сообщества.

